

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

9 МАР 1954

Москва

Газета №

БЕЛОРУССКИЕ ПЕВИЦЫ

Татьяна Корнеевна тихо сказала дочери: — Это, родная моя, прочтешь всем участникам хора, всем...

* * *

Вечером, когда окна колхозного Дома культуры засветились яркими огнями, стали собираться участники хора.

Первой пришла старейшая колхозница Ульяна Веромейчик, создательница песни «О сыне-партизане». Затем — мастера ча-стухи Валя Петровец и Софья Кузменок. Важно явился дец Григорий Шумский: в колхозе он печник, а здесь — мастер художественного чтения. Пришли певцы из колхоза имени Ленина, с судоверфи, из Речицы...

Баянист не спеша достал из чехла баян, и в зале зазвучала мелодия белорусской польки. Вихрем закружились хлопцы и девчата.

Полька окончена. Баянист обращается к Вале Петровец:

— За тобой должок — новые частушки. Валя запела веселые, остроумные частушки.

Пришла Татьяна Корнеевна, и началась репетиция, или, как здесь говорят, слевка. Пели о верной любви, окрыляющей человеческое сердце, о колхозных нивах, о богатых урожаях, о Коммунистической партии, ведущей советский народ к коммунизму. Почти все эти песни — и слова, и музыка — созданы самими участниками хора, вот этими парнями и девушками — колхозными полеводцами, доярками, счетоводами!

Татьяна Корнеевна время от времени делала замечания:

— Нехорошо получается, друзья мои. Песня должна ложиться на сердце, а она не ложится. То, о чем поешь, нужно представлять, видеть. А вы сейчас забыли все — и приволье нашей земли, и красоту родного села, и счастье своих односельчан. «И плывут комбайны в море золотое» — ну, попробуем еще разок...

В полночь расходились по домам. Татьяна Корнеевна шла быстро, обходя неровности. Возле дома она сказала:

— Приходите послезавтра в Дом культуры, послушаете, как дети поют.

— У вас и детский хор есть?

— А то как же! Смену растим. Лучшие из них в хор взрослых идут. Ну, доброй ночи!

Вас. ДАНИЛЕВИЧ.

Село ОЗЕРЩИНА, Гомельской области.

— О чем мы тогда пели? Женщины-наймишки просили солнце, чтобы оно поздно вставало, а ложилось рано, облегчая тем самым их тяжелый труд на пана и кулака. Пели о косарях, с которых градом

лился кровавый пот... Заунывные, безрадостные были песни... Недаром ведь говорят: какова жизнь, таковы и песни.

Помолчав немного, Татьяна Корнеевна продолжала:

— Теперь дело иное. Глядишь окрест — сердце поет. Идет поезд, груженный прекрасной мебелью. Откуда, кому? От нас, из Речицы на Украину, для шахтеров. Хлопцы направляются на берег Днепра. Кто они? Наши, речичские судостроители. Бежит группа ребят с нотными папками в руках. Куда еще? Дети наши в музыкальную школу спешат. Вот какая жизнь-то пошла! И песни свои об этой жизни мы поем нынче не в курных хатах под жужжание веретен...

Татьяна Корнеевна идет к этажерке и, взяв какую-то тетрадь, подает ее:

— Почитайте, тут многое сказано.

Это «дневник». В нем кратко, по датам, изложена история озерщинского хора. Вот некоторые записи:

«1936 год. В Речице впервые выступили по радио».

«1937 год. Ездили в Минск на республиканский смотр художественной самодеятельности. Получили премию — баян. Петр Лапшак рад, как дитя. Говорит: «Буду играть день и ночь». Хорошо — нам нужен свой баянист».

«1939 год. Были в освобожденной Западной Белоруссии. Пели перед участниками Народного собрания. Наконец-то братья из восточных и западных областей Белоруссии навсегда будут вместе!».

«1940 год. Нет границ нашему счастью! Мы в Москве на декале белорусского искусства. Выступаем в Большом театре. Кто бы мог подумать!».

А вот записи, относящиеся к суровым годам войны...

«От фашистской бомбы погибла талантливейшая из хористок Татьяна Янкович, мечтавшая сложить самую радостную песню на земле... Расстрелян сын старейшей участницы хора Ульяны Веромейчик... Зверски замучен баянист Петр Лапшак, бросивший перед смертью в лицо врагам веющие слова: «А песен-то наших вам, гады, не убить!».

Если б только мог слышать Петр Лапшак, как широко и привольно звучат сейчас над его родной Озерщиной песни счастья и радости!

После полудня вернулась из школы

дочь Татьяны Корнеевны — Зинаида, учительница; за ней, точно ветер, ворвался в комнату ее сынишка Сережа.

— Бабушка, бабушка! А сколько пишем вам, богато-пребогато!

Спустя несколько минут Зинаида читала матери письма, а Сережа сидел рядом.

— Вот тут, мама, сообщают из Минска, что вы утверждены членом художественного совета республиканского Дома народного творчества.

— Хорошо, голубушка, читай дальше.

Дочь развернула письмо-треугольник:

— Сммотри, мама, опять солдаты пишут. — сказала она и стала читать: «Татьяна Корнеевна! Шлем вам и всему вашему хору горячий солдатский привет. Когда мы слушали по радио выступление хора, нам казалось, что мы находимся не за тысячами километров, а с вами, в белорусском селе».

В Озерщине все, от мала до велика, знают и уважают заслуженного деятеля искусств Белорусской ССР Татьяну Лопатину, руководительницу колхозного хора.

— Вам Татьяну Корнеевну? Пожалуй-ста, пойдемте вместе. Ее дом там, в середине деревни. А вы, извините, кто будете — из композиторов или писателей? Так, так... К ней разные люди ездят — из Москвы, из Минска, из Гомеля.

И вот нас встречает сама Татьяна Корнеевна. Ей семьдесят лет, но у нее бодрая походка, живые глаза и звонкий голос. Она в черном платье, поверх которого на плечи наброшен теплый платок.

— Здравствуйте, здравствуйте! Очень рада вам. Проходите и устраивайтесь, как дома. А я вот только дойду до письма.

Через одну-две минуты Татьяна Корнеевна, как бы извиняясь за то, что заставляет себя ждать, говорит:

— Дело, знаете, неотложное. Получили письмо с Украины. И кто, думаете, пишет? Участники волинского колхозного хора. Хотят послушать наши песни... Ну, а Григорий Константинович Пукот работает в Минске, на радио, главным художественным руководителем. Сердечный человек! Он не раз бывал на Озерщине, помогал нам. Вот написала ему письмо. Я уверена, что он не откажет в нашей просьбе... А с украинцами-то у нас дружба давнишняя.

Комната, в которой мы сидим, большая, светлая, в четыре окна. На стенах грамоты, дипломы, фотографии. На одной фотографии старик с пышной бородой.

На Озерщине хранят о нем светлую память. За ним осталась слава зачинателя здесь хорового пения.

В молодости, надеясь на силу, которой щедро наделила его природа, Корней Евменович говорил: «Дал бог здоровье, даст и богатство». Жил он с семьей бедно. «Ничего, поправимся», — утешал он жену и ушел на Днепр. Сначала вязал платки, потом стал гонять их вниз по реке — на Киев, Екатеринослав. Назад возвращался пешком: нужно было беречь гроши, добытые тяжким трудом. «Ну, Корней Евменович, много заработал?» — спрашивали односельчане. «Денег мало, зато песен много, и все украинские, задуманные». По вечерам, латая рыбацкие сети, он «играл» эти песни девчатам, которые приходили к его дочери Татьяне прастать куделю. Девушки слушали песни и думали: что украинец, что белорус — одна душа.

Татьяна Корнеевна рассказывает: